

ЭПОС: СЮЖЕТНЫЙ СОСТАВ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 398

DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-41-60

Цикл «Джангара» Ээлян Овла в синьцзян-ойратской традиции: к вопросу об отношениях между версиями эпоса

Цаган Б. Селеева

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия, tsagana007@mail.ru*

Аннотация. Закономерности формирования калмыцкой и синьцзян-ойратской версий «Джангара», их развития и взаимодействия исторически обусловлены единством данной эпической традиции в прошлом, миграцией и обособлением некоторых этнических групп, более поздними культурными контактами между ними. Обнаруживается и преемственность родственных традиций, основанная на культурном взаимодействии калмыцких книжных текстов с эпическим фольклором ойратов Синьцзяна. Очевидно, что распространенное среди них в начале XX в. и позднее издание текстов Ээлян Овла дало дополнительный импульс развитию данных сюжетов и в самой синьцзян-ойратской традиции. Работа посвящена изучению синьцзян-ойратских версий цикла Ээлян Овла и выявлению их региональных различий. Несмотря на существенное сходство с калмыцкой версией, обнаруживаются трансформации текстов также на сюжетно-композиционном и стилистическом уровнях. В процессе исполнения сказители варьируют сюжет, опуская его отдельные звенья или включая новые. Вставные эпизоды, отдельные мотивы и эпические формулы синьцзян-ойратской версии специфичны и имеют региональную обусловленность. Новые комбинации мотивов и эпизодов порождают новые редакции и сюжетные версии при относительной стабильности ключевых фабульных элементов. Нововведения могут иметь существенное или незначительное воздействие на развитие повествования, а в случае с типическими местами могут не иметь его вообще. В результате текстуального варьирования наблюдается и обновление лексики эпоса.

© Селеева Ц.Б., 2025

Ключевые слова: эпос «Джангар», книжные тексты, калмыцкая и синьцзян-ойратская версии, цикл Ээлян Овла

Дата поступления статьи: 23 февраля 2024 г.

Дата одобрения рецензентами: 15 июля 2024 г.

Дата публикации: 26 декабря 2025 г.

Для цитирования: Селеева Ц.Б. Цикл «Джангара» Ээлян Овла в синьцзян-ойратской традиции: к вопросу об отношениях между версиями эпоса // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 4. С. 41–60. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-41-60

“Dzhangar” cycle by Eelyan Ovla in the Xinjiang-Oirat tradition: On the question of the relationship between the versions of the epic

Tsagan B. Seleva

Presidential Academy, Moscow, Russia, tsagana007@mail.ru

Abstract. The patterns of formation of the Kalmyk and Xinjiang Oirat versions of “Dzhangar”, their development and interaction are historically determined by the unity of this epic tradition in the past, migration and isolation of some ethnic groups, as well as by later cultural contacts between them. The succession of related traditions is also revealed, based on the cultural influence of Kalmyk book texts with the epic folklore of the Oirats of Xinjiang. It is obvious that the widespread publication of the texts of Eelian Ovla at the beginning of the 20th century and later at that century gave an additional impetus to the development of these plots in the Xinjiang Oirat tradition itself. The work is devoted to the study of the Xinjiang Oirat versions of the Eelian Ovla cycle and the identification of their regional differences. Despite the significant similarities with the Kalmyk version, transformations of the texts are also found at the plot-compositional and stylistic levels. In the process of performance, the storytellers vary the plot, omitting discrete parts or including new ones. The inserted episodes, individual motifs and epic formulas of the Xinjiang Oirat version are specific and exhibit regional distinctiveness. New combinations of motifs and episodes generate new editions and plot versions with relative stability of the key plot elements. Innovations can have a significant or insignificant impact on the development of the narrative, and in the case of typical places, they may have no impact at all. As a result of textual variation, an update of the vocabulary of the epic is also observed.

Keywords: epic “Dzhangar”, book texts, Kalmyk and Xinjiang-Oirat versions, Eelyan Ovla cycle

Received: February 23, 2024

Approved after reviewing: July 15, 2024

Date of publication: December 26, 2025

For citation: Seleeva, Ts.B. (2025), “ ‘Dzhangar’ cycle by Eelyan Ovla in the Xinjiang-Oirat tradition: On the question of the relationship between the versions of the epic”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 4, pp. 41–60, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-41-60

1

Эпос «Джангар» своими корнями восходит к центральноазиатской эпической общности, непосредственно связан с этнической историей его народа-создателя¹ и прошел путь развития от форм архаических к «классическим». Истоки песен «Джангара», насыщенных архаическими мотивами и образами, восходят к периоду XV–XVI вв., когда ойраты Джунгарии уже представляли собой сложившуюся этническую общность [Козин 1940, с. 69–72]. На формирование калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса повлиял ряд исторических факторов – контакты ойратов с другими монгольскими и тюркскими народами Центральной Азии, создание Джунгарского ханства, раздоры в элитах союза «Дербен Ойратов», что в конце XVI – начале XVII в. привело к откочевке на запад части ойратских племен под предводительством торгутского Хо-Урлюка и дербетского Далай-батыра – сначала в Южную Сибирь, в бассейны Иртыша и Оби, затем на территорию Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья, где и было образовано Калмыцкое ханство.

Исторические процессы племенной и раннегосударственной консолидации нашли свое отражение в героических сюжетах «Джангара». Его идейно-тематическая основа – защита сподвижниками-богатырями под предводительством Джангар-хана своей кочевой державы, эпической Бумбы, от посягательств чужеземцев. Историческим прототипом этой страны с элементами социальной утопии, название которой окружено «ореолом божественной благодати» [Кудияров 1988, с. 167], послужило само Джунгарское ханство, которое к XVII в. стало одним из могущественных государств Центральной Азии, оказывающих большое влияние

¹ По мнению В.М. Жирмунского [Жирмунский 1974, с. 8], героический эпос формируется именно в процессе этногенеза, формирования народов и государств.

на соседние страны и народы. Впрочем, образ Бумбайской державы мог вобрать в себя воспоминания и о более ранних эпизодах государственно-племенной консолидации монгольских кочевников, включая эпоху Чингисхана и созданной им империи (XIII–XIV вв.). Отразились в эпосе и вооруженные конфликты XVII–XVIII вв. между ойратами и их тюркскими соседями.

Когда в начале XVII в. калмыки откочевали на Волгу, они принесли с собой и свой эпос, который обрел здесь единство и монолитность «классических» форм героического повествования. На тот же период пришлась и завершающая фаза развития «Джангара» как циклизированной воинской эпопеи², что было прямо связано с усилением консолидационных процессов при образовании Калмыцкого ханства в непривычном культурно-языковом окружении, когда героический эпос становится одной из важнейших форм выражения этнополитического самосознания [Неклюдов 2019, с. 237].

В 1771 г. по причинам социально-экономического и политического характера, в частности из-за вмешательства царской администрации во внутренние дела и политику калмыцкой элиты, большая часть калмыков (30 тыс. кибиток) под предводительством Убаши-хана откочевала назад в Джунгарию. Согласно сведениям Бергмана [Бергман 2004, с. 12], через три десятилетия после этого события побывавшего в Калмыкии, с ними ушли и многие талантливые джангарчи. Собиратель отметил, что в его время (рубеж XVIII–XIX вв.) среди оставшихся волжских калмыков насчитывалось до полусотни рапсодов, и предположил, что среди торгутов Синыцзяна (Китай) их было больше.

Откочевка калмыков 1771 г. привела к возникновению двух генетически связанных региональных эпических традиций – калмыцкой и синицзян-ойратской³.

Калмыцкий «Джангар» состоит из двадцати восьми глав-песен, объединенных в репертуарные циклы. Эпос имеет фольклорную

² «В основе процесса циклизации лежит объединение в один устный корпус нескольких повествований, как правило, “одноходовых”, изначально не имеющих между собой сюжетных связей и не составляющих фабульной последовательности. <...> с некоторыми оговорками его можно назвать “дружинным”, построенным на идее служения разных богатырей одному “эпическому владыке” и одной “эпической державе» [Неклюдов 2019, с. 60–61].

³ «Исследователи фольклорной культуры на поздних ее стадиях не могут не считаться с фактами, так сказать, вторичной региональности, вызванной миграциями населения, образованиями новых регионов, обменом культурными материалами» [Путилов 2003, с. 159].

природу и до середины XX в. бытовал только в устной форме. Начало письменной фиксации отдельных песен «Джангара» было положено в конце XVIII – начале XIX в., а запись целых циклов (Малодербетовского, Багацохуровского и всего репертуара Ээлян Овла), составляющих основу калмыцкой эпической традиции, состоялась во второй половине XIX – начале XX в.; запись других оригинальных текстов еще осуществлялась вплоть до 1970-х гг.

С 1980-х гг. стали публиковаться и вводиться в научный оборот многочисленные тексты синьцзян-ойратского «Джангара», свидетельствующие о существовании живой самобытной традиции, бытующей у всех ойратов Синьцзяна (торгутов, хошутов, олётов и чахар⁴). Ученые Китая осуществили фундаментальное трехтомное издание корпуса этих текстов – 70 глав-песен на ойратской письменности «тодо бичик»⁵. Позже вышло трехтомное издание 78 глав-песен, включая их варианты⁶. В первом издании несколько текстов подверглись редакторской обработке, но во втором принципы публикации аутентичных фольклорных текстов были соблюдены. Издание синьцзянского «Джангара» еще не завершено, записи репертуара сказителей из разных местностей Синьцзяна продолжают публиковаться.

Таким образом, первые записи калмыцкого «Джангара» пришлись на время его активного бытования в начале XIX в., задолго до первых фиксаций эпоса у ойратов Синьцзяна (середина XX в.)⁷. При этом уже в начале XX в. отмечается угасание калмыцкой

⁴ Речь идет о тех чахахах, которые в конце XVIII в. были переселены из районов Северо-Восточного Китая в Илийский и Тарбагатайский округа Синьцзяна, войдя тем самым в состав западно-монгольской этнокультурной общности.

⁵ Jangyar / Н. Hasagva, А. Tojbaj, Ehrdehni, Н. Bada, Damirinzhab, N. Lota, Т. Badm, Т. Dzhamco, Ch. Irinceh. 3-b. Urumchy: Dundadyn ulsyn arad-un aman jokial-un hehvlehlijn horo, 1986. В. 1. 860 х.; 1987. В. 2. 865 х.; 2000. В. 3. 460 х. [Джангар / Х. Хасагва, А. Тоджбаджи, Эрдени, Х. Бада, Дамринжаб, Н. Лота, Т. Бадма, Т. Джамцо, Ч. Иринчех. В 3 т. Урумчи: Комитет по изданию фольклора КНР, 1986. Т. 1. 860 с.; 1987. Т. 2. 865 с.; 2000. Т. 3. 460 с.] (на ойрат. письм.)

⁶ Jangyar: Jangyarchudyn häälsen «Jangyar-yin» ug tekst. Urumchy: Sindjiyang-giyin aradiyin keblel-yin xoro. 2013. В. 1. 670 х.; 2013. В. 2. 680 х.; 2015. В. 3. 683 х. [Джангар: Исполненные джангарчи аутентичные тексты «Джангара». Урумчи: Народное издательство Синьцзяна. 2013. Т. 1. 670 с.; 2013. Т. 2. 680 с.; 2015. Т. 3. 683 с.] (на ойрат. письм.)

⁷ «Обращает на себя внимание, что почти все некалмыцкие версии «Джангара» были зафиксированы уже в послевоенное время (1940–1980-е гг.)» [Неклюдов 2019, с. 244].

эпической традиции, что связано с переходом калмыков-номадов к оседлому образу жизни, повлекшим коренные изменения в социально-экономической структуре общества и исчезновение многих элементов традиционного образа жизни. Сохранность же синьцзян-ойратской эпической традиции, угасание которой наблюдается только к концу XX в., видимо, обусловлена определенной консервацией этнокультурных форм, способствующей сбережению традиционного уклада и комплекса традиционных знаний.

2

Особый исследовательский интерес представляет относящаяся к «классическому» типу циклизированных эпоей версия «Джангара», которая принадлежит известному калмыцкому сказителю Ээлян Овла (1857–1920) и состоит из десяти глав-песен, объединенных общим прологом. Его композиционная роль чрезвычайно важна, «поскольку, будучи четко очерченной экспозицией цикла в целом и каждой песни, пролог делает “Джангар” Овла единым художественным организмом» [Кичиков 1997, с. 184]. При всем разнообразии сюжетов тексты цикла Ээлян Овла отмечены внутренним поэтико-стилевым единством, сходством образов главных героев, их эпической генеалогии. Песни циклизуются вокруг эпического центра и эпического властелина⁸; Б.Я. Владимирцов отмечает особый тип циклизации калмыцкого «Джангара», обусловленный его статусом «национальной поэмы» как «удивительной выразительницы народного духа»⁹. В.А. Закруткин, напротив, считал, что цикл Ээлян Овла создан самим сказителем, отрицая таким образом фольклорный характер процесса циклизации калмыцкого «Джангара»¹⁰.

Книжные тексты Ээлян Овла – литографическое издание 1910 г. на старокалмыцкой письменности «тодо-бичик»¹¹ и его

⁸ «Эпический монарх (Джангар, Баюндур-хан и др.) служит идеальным центром, вокруг которого объединяются богатыри – его дружинники или вассалы; но каждый из богатырей, входящих в состав этого объединения, – герой самостоятельных эпических сказаний» [Жирмунский 1974, с. 34].

⁹ Монголо-ойратский героический эпос / пер., вступ. ст. и примеч. Б.Я. Владимирцова. СПб.; М.: Государственное изд-во, 1923. С. 18.

¹⁰ Калмыцкий эпос «Джангар» / ред., вступ. ст. и примеч. В.А. Закруткин. Ростов н/Д: Ростиздат, 1940. С. 55–62.

¹¹ Jangyar: Taki Zulaa qaani ũldel Tangsag Bumba qaaniači Ūjŭng aldar qaani kũbũn ũyeyin ōnčin Jangyariyin arban bōlōg [Джангар: О потомке

рукописные копии – получили распространение в ойратской среде Монголии и Синьцзяна, что, по-видимому, способствовало актуализации и новому расцвету традиций центральноазиатского «Джангара» [Неклюдов 2019, с. 244]. Кроме того, начиная с 1958 г. этот цикл песен Ээлян Овла неоднократно издавался в Китае на «тодо-бичик» и также имел распространение среди ойратов Синьцзяна¹².

Главы-песни, включенные в крупные фольклорные собрания синьцзян-ойратского «Джангара», имеют прямое отношение к книжным текстам калмыцкого «Джангара» Ээлян Овла¹³. Разрозненная нумерация глав в списке издания 1986 г. косвенно свидетельствует о распаде в синьцзян-ойратской традиции монолитного цикла Ээлян Овла, о том же говорят и указания на записи этих песен от разных сказителей: П. Рампила (№ 5, 19 <1>, 19 <2>), Дж. Никя (№ 15), Б. Зягря (№ 16, 17), Т. Бимбы (№ 20, 24). Песня № 22 записана от двух сказителей – П. Рампила и Т. Бадамнара; по всей вероятности, в одну песнь два варианта были сведены редактором. В песне № 14 указан только обработчик текста (Т. Бадма).

Таки Зула хана, о внуке Тангсак Бумбы хана, о сыне Узюнга великого хана, о Джангаре в поколении одиноком десять глав] / сказитель Ээлян Овла, зап. Н. Очиров, изд. В.Л. Котвич. СПб., 1910. 336 с. (на старописъм. калм. яз.)

¹² Jangyar: Taki Julaa qaγan-u ūledeḷ Tangsag Bumba qaγan-u ači Ūjūng aldar qaγan-u kūbegün ūye-yin öñöčin Jıngyar-un arban γurban bōlög. Köke-qota, 1958. 344 q. [Джангар: О потомке Таки Зула хана, о внуке Тангсак Бумбы хана, о сыне Узюнга великого хана, о Джангаре в поколении одиноком десять глав. Хухэ-Хото, 1958. 344 с.] (на старописъм. монг. яз.); Bayatur-ud-un tuuli. 2-e izd. Köke-qota, 1964. 323 q. [Богатырские сказания. 2-е изд. Хухэ-Хото, 1964. 323 с.] (на старописъм. монг. яз.).

¹³ Jangyarın tuuli / bart beldsni T. Badma, Buyankishig. Urumchy, 1980. 647 h. [Сказания о Джангаре / подгот. к изд. Т. Бадма, Буянкишиг. Урумчи, 1980. 647 с.] (на старописъм. калм. яз.); Jangyar-in eke material. 1–12 b. Urumchy: Sinjiang-in arad-in keblel, 1982–1996 [Материалы о Джангаре. Т. 1–12. Урумчи: Народное изд-во Синьцзяна, 1982–1996] (на ойрат. писъм.); Jangyar / Н. Hasagva, A. Tojbaj, Ehrdehni, Н. Bada, Damirinzhab, N. Lota, T. Badm, T. Dzhamco, Ch. Irinceh. 3 b. Urumchy: Sinjiang-in arad-in keblel, 1986. B. 1. 860 x.; Jangyar: Jangyarchudyn häälßen «Jangyar-yin» ug tekst. Urumchy: Sindjiyang-giyin aradiyin keblel-yin xoro. 2013. B. 1. 670 x; 2015. B. 3. 683 x. [Джангар / Х. Хасагва, А. Тожбаджи, Эрдени, Х. Бада, Дамринжаб, Н. Лота, Т. Бадма, Т. Джамцо, Ч. Иринчех. В 3-х т. Урумчи: Народное изд-во Синьцзяна, 1986. Т. 1. 860 с.; Джангар: Исполненные джангарчи аутентичные тексты «Джангара». Урумчи: Народное изд-во Синьцзяна. 2013. Т. 1. 670 с.; 2015. Т.3. 683 с.] (на ойрат. писъм.)

Проведенный нами текстологический анализ с выявлением соответствий в содержательной части десяти глав-песен обеих национальных версий¹⁴ выявил их значительное сходство, свидетельствующее о прямом заимствовании синьцзян-ойратской традицией книжной версии цикла Ээлян Овла, причем большая часть заимствованных сюжетов сохранила фабульную идентичность с калмыцкой версией¹⁵, хотя в структуре и содержании ряда сюжетов синьцзян-ойратской версии обнаружились и некоторые отличия.

Таким образом, наблюдается интересное явление: песни, усвоенные синьцзян-ойратскими сказителями из книжной калмыцкой версии, что, вероятно, было обусловлено их живым интересом к этнически близкородственному эпосу, ушли в активное устное бытование данной традиции, обогатив ее и обрета этнолокальную специфику. Явление не столь редкое: так, взаимодействие книжных по происхождению былинных текстов с местной эпической традицией на материале русских былин исследовал Ю.А. Новиков [Новиков 2000, с. 267–348]¹⁶, а соотношение фольклорных и книжных форм версий эпоса «Гесер» рассматривал С.Ю. Неклюдов [Неклюдов 2019, с. 247–446].

3

Рассмотрим сюжетно-композиционные и стилистические различия между двумя региональными редакциями одного и того же эпического повествования.

Схематически сюжет «О женитьбе Алого Хонгора Благородного» калмыцкой и синьцзян-ойратской версий может быть представлен как последовательность следующих типовых элементов: неудачное сватовство героя к мнимой невесте (~ *женитьба героя на мнимой невесте*¹⁷) – распра-

¹⁴ Селеева Ц.Б. Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар». Элиста: КИГИ РАН, 2013. 276 с.

¹⁵ «Отдельные произведения (или их фрагменты), перенесенные на сотни километров в результате этнических миграций, как правило, остаются верными исходной сюжетной схеме» [Неклюдов 1984, с. 309].

¹⁶ «Тексты такого рода с характерным для них переплетением устно-поэтических и книжных элементов, традиции и новаторства, коллективного и индивидуального начал не поддаются однозначной оценке» [Новиков 2000, с. 51].

¹⁷ Приводимые примеры из текстов синьцзян-ойратской версии здесь и далее выделены полужирным курсивом.

ва героя с мнимой невестой и ее женихом (~ с **мнимой женой**) – странствия героя в поисках суженой – нахождение героем суженой и пребывание в ее стране – поиск и нахождение героя Джангаром – участие героя в состязаниях и получение суженой – возвращение домой и свадебный пир. Различия касаются первого эпизода: если калмыцкий герой, обнаружив мнимую невесту с ее женихом, расправляется с ними обоими, то в синьцзян-ойратской версии он сначала женится на мнимой невесте, а спустя время, прознав о бесовской сущности и непристойном поведении супруги, расправляется с ней.

Претерпел изменение и ключевой мотив богатырских состязаний за невесту. В синьцзян-ойратской версии иной порядок состязаний, а сам мотив разворачивается как пространное стереотипное описание с элементами сказочно-эпической архаики:

Первое состязание – Сановник Бёке Цагана, сына Мангас-хана, богатырь Зан Хара, желто-пестрый огромный лук взял и стал натягивать – с утра до полудня натягивал так, что с концов <лука> пламя вспыхнуло, от основания <его> дым повалил. Пустил <стрелу> – <она> прошла сквозь стебель ковыля, расколов <его>, сбила зернышко на коровьем роге, прошла сквозь ушко семидесяти стремян и тазобедренное отверстие лисицы, долетев до черного камня величиной с корову, упала. Славный нойон богдо Джангар объявил так громко, что у трехлетнего медведя, лежавшего в ложбине, едва не лопнул желчный пузырь: в ту пору, когда Благородный Хонгор Алый Лев вел сражения по велению владыки Ширки, более восьмидесяти лет золотой боевой желто-пестрый лук высушивался. Пусть из него стреляет сын хана Харады, стрелок Хара Джилган. Сын хана Харады, стрелок Хара Джилган взял золотой боевой желто-пестрый лук, из ста куланьих рогов, крепя, изготовленный, девятью куланьими рогами гравированный – на перекладине изображения бодающихся козла и барана, на тетиве изображения играющих мальчика и девочки; по велению владыки Ширки более восьмидесяти лет высушивавшийся. Стал натягивать с утра до полудня так, что изображенные на перекладине бодающиеся козел с бараном чуть не заблеяли; натянул так, что на тетиве изображенные играющими мальчик с девочкой чуть не заплакали; натянул так, что большой палец с мизинцем едва не вывихнул; натянул так, что его плечи с лопатками едва не скрестились; натянул так, что свистящая синяя стрела застонала; с концов <лука> огонь воспламенился, от основания дым повалил <, и пустил стрелу>. Стрела прошла сквозь стебель ковыля, расколов, сбила зернышко на коровьем роге, прошла сквозь ушко семидесяти стремян и тазобедренное отверстие лисицы, черный камень величиной с корову

расколов, у истоков семидесяти рек разожгла пожар с семьёю очагами. Джангарова <сторона> закричала, что одно состязание они выиграли. Львы<-богатыри> Мангас-хана, повернувшись, засмеялись, отвернувшись заткнули свои подолы <за пояс>¹⁸.

Эпизод конфликта между соревнующимися сторонами в синьцзян-ойратской версии служит мотивировкой для разворачивания следующего сюжетного хода. В калмыцкой версии сторона соперника, признав свое поражение в состязаниях за невесту, отправляется домой. В синьцзян-ойратской версии поражение соперника приводит к усугублению конфликта и вызову Джангар-хана на поединок Мангас-ханом. Однако отцу невесты в результате все же удается мирно разрешить возникший конфликт, приведя для этого убедительные доводы:

Мангас-хан, рассердившись, закричал: его молодца сдуру победили – он намерен сразиться с Джангаром один на один, и отбыл с пятьюстами львами<-богатырями>. В свою очередь славный нойон богдо Джангар, сев верхом на Аранзала Зэрдэ, закрепив с правой стороны тридцатипятисаженное копьё, сказал: если <Мангас-хан> намерен с ним сразиться, то пусть они выедут и сойдутся в поединке у склона горы Барун Цаста Цаган, и тоже отправился с тридцатью пятью вепрями<-богатырями>. Отец невесты, Бурал Замбал-хан, примиряя двух ханов, сказал Мангас-хану: как он выстоит против <джангарова> наконецника копьё и изворотливости Аранзала Зэрдэ. Тогда <Мангас-> хан, одумавшись, сказал: видно, он, богдо Джангар, счастливее его, а главное навершие его бронзового черного дворца согнулось. Затем Мангас-хан со своими пятьюстами львами<-богатырями> отбыл <домой>¹⁹.

Типологически сходны в обеих версиях реализации сюжета «О битве Алтан Чеджи со славным Джангаром», повествующего о конкурентных отношениях между представителями степной аристократии и о жестоких конфликтах за право быть вождями родоплеменного объединения. Калмыцкая версия:

В пятилетнем возрасте юный Джангар попадает в плен к нойону Бёке Мёнген Шигширге. По мере наблюдения за юным Джангаром нойон приходит к выводу, что в скором времени его пленнику судьбой предназначено стать великим человеком и правителем. Угадав

¹⁸ Селеева Ц.Б. Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар». С. 252–254.

¹⁹ Там же. С. 256.

славное будущее юного пленника, Шигширге пытается устранить его, отправив угнать табун нойона Алтан Чеджи. Таким образом, герой, оказывается втянут в конфликт с Алтан Чеджи, а тот, будучи провидцем и предвидя великое предназначение Джангара, также решает расправиться с ним, пустив в него стрелу. После возвращения смертельно раненного Джангара Шигширге дает супруге наказ расправиться с ним, но их сын Хонгор умоляет мать спасти умирающего героя. Совершив магический обряд, она как целомудренная женщина чудесным образом исцеляет Джангара. Юные богатыри становятся близкими друзьями, Джангар, пройдя инициационные испытания, легимитизирует перед авторитетными представителями степной аристократии Бёке Мёнген Шигширге и Алтан Чеджи свой статус будущего государя. Несмотря на исходные конфликтные отношения, в финале сюжета предстает картина полной эпической гармонии, когда антиподы, объединившись, становятся союзниками²⁰.

В синьцзян-ойратской версии композиционное усложнение сюжета происходит за счет введения в повествование развернутой предыстории Беке Менген Шигширге, рассказывающей о его странствиях по свету и встрече с юным Джангаром:

Бёке Мёнген Шигширге унаследовал пятимиллионное кочевье своего отца, владыки Ширки. Для избавления от <своих> возможных врагов, грядущих опасностей и угроз, Шигширге пешком обошел восемь тысяч восемьсот миров, изучая <их>. В одной местности Шигширге обнаружил целую гору костей от съеденного мяса, заполненный пеплом овраг от сожженных деревьев с реки и чугунный котел, поставленный на таган. За время своих странствий по мирам Шигширге видел множество страшных, пугающих вещей, но ему стало интересно узнать о том, какой опасный враг проживает на краю того кочевья, где он находился, и <он> стал ожидать противника. Шигширге увидел появившегося тощего мальчика-недоростка в штанах из шкуры оленя, в соболиной шубе, со стрелой из ребра оленя, прикрепленной у печени. Мальчик прибежал в свой стан, принес на шее изюбря и дикого горного барана, развел огонь и поставил вариться котел с мясом изюбря (наблюдение нойона-антагониста за героем). В это время примчался лев-<богатырь> Бёке Мёнген Шигширге и со словами, что пойманного он хватает крепко, напал <на мальчика>, но тощий мальчик-недоросток, прыгая с одной горной вершины на другую, убежал. В течение трех суток шесть раз сменялись день с ночью – мальчик играючи уходил от Бёке Мёнген Шигширге

²⁰ Там же. С. 228–230.

и не давал себя поймать (нападение и преследование нойоном-антагонистом героя) – Бёке Мёнген Шигширге, вернувшись домой, ханше Шилтя Зандан Герел поведал, что он измучился, преследуя в течение троих суток, шести дней и ночей, тощего недоростка бирмена²¹. Он так не уставал даже во время путешествий пешком по восьми тысячам восьмиста мирам (возвращение нойона-антагониста домой). На следующий, четвертый день <Шигширге>, собрав <всю свою> силу борца, схватил тощего мальчика-недоростка, когда тот собирался прыгнуть с одной горы на другую. Схватив, слева под мышку <его> взял, принес домой, бросил у правой стены юрты и запретил давать ему пищу; проголодавшись, тощий мальчик стал выглядывать с правой стороны юрты (пленение героя нойоном-антагонистом). Тогда Хонгор, сын Шигширге, отдал ему свою еду в чаше, которую тощий мальчик, не разбирая, съел. <Наблюдавший за этим Шигширге подумал:> видно, этот бирмен представит в будущем угрозу жизни его единственному сыну²².

При исполнении сказители варьируют сюжеты, опуская или включая в них целые эпизоды. В синьцзян-ойратской версии усложнение структур происходит за счет включения дополнительных мотивов и эпизодов. Так, сюжет «О битве Алтан Чеджи со Славным Джангаром» дополнен эпизодом «встреча мудреца Алтана Чеджи и нойона Беке Менген Ширшиги»; сюжет «О том, как Прекраснейший в мире Мингъян взял живым в плен и привез Могучего Кюрмен-хана» обогатился несколькими эпизодами: «изъявление богатырями готовности исполнить поручение Джангара», «встреча в пути героя со старухой-шулмуской»²³, «встреча в пути героя с небесным быком», «клеяние богатырем Джангаром хана-антагониста»; сюжет «О том, как Свирепый Санал Смултый разрушил страну Могучего Зарин Зан-тайджи-хана и подчинил ее Джангару» также пополнился рядом эпизодов: «сомнения богатырей по отношению к герою, избранному Джангаром для исполнения поручения в стране хана-антагониста», «поддержка богатырями-соратниками героя, отправляющегося в страну хана-антагониста для исполнения поручения Джангара», «поединок героя с богатырем хана-антагониста, преследующим его». Сюжет

²¹ *Бирмен* – ‘противник; демон, злой дух; пройдоха’ (*birmn* < санскр. *brahman*) (*Ramstedt G.-J. Kalmuckisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1935. S. 46*).

²² *Селеева Ц.Б.* Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар». С. 228–230.

²³ *Шулмус* – ‘демон, демоница, ведьма’.

«О битве Алого Хонгора Благородного со Свирепейшим Мангнаханом» дополнился рядом типических описаний («общих мест»): «поймка коня Джангара», «седлание коня Джангара», «снаряжение Джангара».

4

Искусство сказителя подразумевает умение свободно пользоваться системой вариационных элементов эпической лексики. Применительно к имени Джангара в обеих версиях употребляется лексика, обозначающая почетный титул правителя, а также высокостилевые эпитеты, входящие в титулатуру: *нойон* – **богдо**; *хан* – **владелец нойон**; *владыка* – **славный нойон** Джангар. Вариации имен главных героев конструируются составными эпитетами, характеризующими героев: *Исполин Алый Хонгор* – **Благородный Хонгор Алый Лев, Ловкий** – **Рожденный ловким Алый** Хонгор.

Вариации постоянных эпитетов, описывающих объекты эпического мира, стереотипны и взаимозаменяемы: *высокий золотой дворец* – **чернено-бронзовый дворец**; *бронзово-серебряного* – **золотого желто-пестрого** дворца; *пестрому шатру-дворцу* – **золотому высокому дворцу**; *желто-пестрого шатра-дворца* – **нефритово-серебряных дверей высокого золотого дворца**.

Вариации с числительными используются в эпосе довольно часто, гиперболизировано выражая эпический масштаб, – понятие неисчислимого множества, длительности определенного действия или события, дальности пути [Рорре 1962]: поставили *шестьдесят* – **восемьдесят** белых юрт; <И тогда> в четырех сторонах света находящиеся *сорок стран* – **сорок две страны**; <Прекраснейший в мире Мингъян> *вошел* <во дворец>, *зазвев* *пятью тысячами колокольчиков*, – **вошел** <во дворец> **во время пира, зазвев шестюдесятью двумя колокольчиками, дребезжа семьюдесятью двумя колокольчиками**; пригнать <Джангару> *восемидесятитысячный* – **восемьдесятитысячный** табун вороных с лысинкой коней; *Семью семь сорок девять дней длился* <свадебный> *пир*, – **Проведя в больших наслаждениях шестьдесят суток, в больших пирах семьдесят суток, на протяжении восьмидесяти суток длилось веселье с гостями**; *тысячу и один год выплачивать дань, повелел трижды поклониться в ноги Джангару*, – **сроком на сто лет они будут подданными хана Джангара и обязаны в течение тысячи лет выплачивать ему дань**; *Ровно три месяца* – **расстояние ровно в сорок девять суток** пути проскакал он.

Обновление формульной лексики происходит посредством использования синонимичных словосочетаний и семантических эквивалентов: *три волшебных сандала и тополя – верхушки трех волшебных сандалов и тополей*; *задирист – весельчак*; *отборных коней – коней сайдов*; *в цахар ханского дворца – на окраину ханского цахара*; превратил в захудалого коня – *жеребенка-двухлетку*; приставили охрану из львов <-богатырей> – *из многочисленных простых богатырей*; *перед рассветом – посреди ночи*; страна владыки Джангара – *Ара Бумбайская страна*.

Несмотря на следование книжному тексту, в недрах развитой синьцзян-ойратской традиции наблюдается тенденция к творческому поиску, индивидуальному переосмыслению эпизодов, новаторству с обилием импровизационных вставок и обновлению формульной лексики. «Система может нести в себе элементы, которым суждено будет развиваться и стать формообразующими и определяющими в рамках новых эпических систем» [Путилов 1999, с. 24]. Диапазон семантических разночтений в таком случае может быть значителен: *сел впереди – подошел и сел на углу <у подножия> львиного трона*; *расхохотался до колик в животе – так что печень затвердела*; *богатырей – сайдов*; свистели словно ружейные пули – *стрелы*; *разрубил тело <шулмуски> на куски и разбросал – бросил в огонь*; <Хонгор,> *выхватив берыдиш – золотой боевой желто-пестрый меч*; *устремился к кочевьям – ко дворцу*; величественнее волн священного <океана> – *священного кургана*; *две желтые степные – небесные осы*; *желтым чистым хадаком – шелковым платком*.

Имена эпических персонажей и топонимических объектов могут различаться: *Замбал-хан – Домбо Бара-хан*; *Герензел-хатун – Зула Зандан-хатун*; гора *Мёнген Цаган – Алаг*; *в центре <ханской ставки> – на берегу моря Шинджир, в долине горы Шикир*. Обозначение стороны света, где обитает антагонист, куда направляется герой или откуда прибывает посланник, зачастую указывает на прямо противоположное направление: *живущий на северо-западе – на юго-западе*; *направился в <южную сторону> между восходом и заходом солнца – в сторону захода солнца <на запад>*; *<прибыл> с северо-востока – со стороны восхода солнца (востока)*.

В стилистике эпоса формулы стабильны и наименее подвержены изменениям. Этнопоэтические константы калмыцкого и синьцзян-ойратского эпосов – каноничные по своей сути текстовые фрагменты, относящиеся к общемонгольскому фонду. Степень профессионализма сказителя определяется мастерством владения эпическим знанием, в том числе формулами. «Станов-

ление сказителя и формирование его мастерства происходило путем накопления “знаний” эпоса, его содержания и поэтики, эпической “грамматики”, и через овладение искусством “воссоздания” в процессе исполнения, т. е. искусством варьирования, оперирования формулами не как застывшими “общими местами”, а как живыми единицами стиховой материи» [Путилов 1999, с. 214].

При этом в синьцзян-ойратской версии обнаруживаются и региональные формульные константы. Этнолокальная специфика в формулах обозначается упоминанием значимых ландшафтных объектов на территории проживания этноса. В архаической формуле зачина упоминается гора Алтай:

Владения расположены на правой стороне Тогос Алтая; со времен, когда птица павлин, взойдя на его вершину, еще не воспарила, когда живое существо еще не ступало к его подножию²⁴.

Космогоническая тема передается через архетипический образ центра мироздания (гора Тогос Алтай) и первосущества (птица павлин). Во многих зачинах картина начала творения изображается через «эмбриональные» формы «первообъектов», их нетронутость и заповедность – как в данном примере (о Тогос Алтае). Культ Алтая у тюрко-монгольских народов сохраняется с древних времен, он воспет в гимнах и сказаниях, не говоря уж о том, что ойраты-скотоводы в прошлом кочевали по степям и горным пастбищам Алтайских гор. В формуле «Ара (северная) Бумбайская страна, прекрасная Алтайская держава»²⁵ – Алтай мыслится реальной проекцией мифической страны Бумбы, – края, богатого лесами, зверями, прекрасными пастбищами. Наряду с Алтаем в формулах упоминается и Хангай – другая горная система Западной Монголии:

С боками из сердцевины дикого дерева, с основанием из сердцевины хангайского дерева блестящее *тяжелое* черное седло положили».

Этнолокальность в формулах передана с помощью образов животного мира ойратских кочевий. Скорость скачущего богатыря сравнивается с быстротой тушканчика, стремительностью ястреба и сокола:

²⁴ Селеева Ц.Б. Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар». С. 46.

²⁵ Там же. С. 107.

Скакал словно белый солончаковый тушканчик, мчавшийся поверх солончака; Словно нападающие на добычу ястреб с соколом помчались они, словно пущенные из лука стрелы понеслись они²⁶.

В одной из формул, описывающей мощь богатырского крика, упоминаются разные животные – медведь, лебедь, кулан, дикий конь и кобылица:

Вспугнул <табун>, так закричав, что у трехлетнего медведя, лежащего в ложбине, едва не лопнул желчный пузырь; <Хонгор> прокричал клич-уран своей богатырской державы: из яйца лебедя, летящего в небе, едва не вылупился птенец, что у скакавшего по вселенной кулана, дикого коня и кобылицы, едва жеребенок не родился²⁷.

В синьцзыан-ойратских текстах часто употребляется универсальная формула, описывающая многочисленность и замечательные качества богатырской дружины Джангара:

Под водительством рожденных главенствовать двенадцати богатырей, свободных тридцати пяти богатырей, <восседавших> за арзой восьми тысяч львов<-богатырей>, под покровительством славного Джангара...²⁸.

Различия состоят в общей численности воинских дружин (6012 и 8047). В калмыцком версии дружина Джангара имеет иерархическую структуру, состоящую из двух уровней (12 и 6000), а в синьцзыан-ойратской из трех (12 – 35 – 8000). Следует отметить, что в синьцзыан-ойратских текстах используется также известная формула из калмыцкого текста – «шесть тысяч двенадцать богатырей».

За счет образов местной традиции и процессов вторичной арханизация синьцзыан-ойратские тексты обогащаются формулами архаичной по содержанию «стилистической обрядности». Метафорическое значение формулы «Покоренных к стремени преклонили, мстительных под пяту взяли»²⁹ – подчинение покоренного правителя и его народа власти победителя. В ней, по-видимому, находит отражение древний ритуал монгольских кочевников, заключающийся в преклонении к стремени победителя, демонстрирующий покорность и готовность служить сюзеру.

²⁶ Там же. С. 135, 125.

²⁷ Там же. С. 197.

²⁸ Там же. С. 31.

²⁹ Там же. С. 35.

Исторически в ойратском обществе периода феодальной раздробленности захваченные земли и народ переходили под власть хана-завоевателя, а на плененного хана накладывались обязательства по выплате дани. В одной из формул описан обряд принятия ханом-антагонистом подданства Джангара:

Зан-тайджи-хан, вынув священно-белый хадак, преподнес Джангару, заверяя покорно, что жизненную силу свою он преподносит великому Джангару и шести тысячам двенадцати богатырям, а жизнь свою отдает в распоряжение Алому Хонгору Благородному³⁰.

В ритуализованных этикетных формулах описывается принятие вассалитета в его сакральных и правовых аспектах, когда покоренный правитель, присоединяясь к более сильному вождю, вручает ему свою собственную «силу» и умножает его «сульде», или харизму – духовную мощь и «силу» великого правителя, при жизни приносящую победы и трофеи, а после смерти воплощающейся в духа-хранителя племени и народа («сульде»). Древние представления о «сульде» у монгольских народов, связанные с культом Чингисхана, своими корнями, по-видимому, уходят еще в охотничьи традиции.

5

Усложнение композиционной структуры эпоса происходит различным образом. Таково включение предыстории, предваряющей основное повествование, – вспомним введение эпизода с ситуацией конфликта, которое влечет за собой разворачивание второго сюжетного хода. На усложнение повествования может влиять изменение порядка изложения действий в определенном мотиве или эпизоде, детализация и развернутость описания с включением элементов сказочно-эпической архаики. В целом нововведения могут иметь существенное или незначительное воздействие на развитие сюжетного повествования, а в случае с типическими местами могут не иметь его вообще.

В содержательной части наблюдается обновление лексики в результате текстуального варьирования. Вариации встречаются в области эпической ономастики и топонимии, а также постоянных эпитетов, описывающих объекты эпического мира. Использование синонимичных форм и семантических эквивалентов свидетельствуют о незначительных разночтениях в эпической лексике. Существенные текстуальные разночтения связаны

³⁰ Там же. С. 235.

с переосмыслением эпизодов, с импровизационными вставками и семантически разняющимися эквивалентами.

На стилистическом уровне наименее подвержены изменениям отшлифованные, подлинно художественные образцы формул, относящихся к общеэпическому фонду традиции. Этнолокальные черты формул обнаруживаются в упоминании объектов ландшафта, флоры и фауны на территории обитания этноса, а также вкрапления в текст архаичных по смыслу и содержанию ритуализованных формул, бытующих в традиции ойратов Синьцзяна.

В данной статье мы ограничились сравнительно-типологическим исследованием региональных версий цикла Ээлян Овла на сюжетно-композиционном и стилистическом уровнях с целью выявления конкретных сходств и различий, дающих представление о сути и механизмах фольклорно-эпических отношений. С данной проблематикой связан ряд важных дискуссионных вопросов, касающихся формирования и бытования в рассматриваемых региональных традициях первоначальных редакций «Джангара», их распространения и взаимодействия с местными версиями, которые мы намерены рассмотреть в дальнейших исследованиях.

Благодарности

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Acknowledgements

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Литература

- Бергман 2004 – *Бергман В.* Песнопение // «Джангар». Материалы и исследования / Вступ. ст., сост., примеч. В.З. Церенова. М.: Наука, 2004. С. 8–12.
- Жирмунский 1974 – *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос: Избранные труды. Л.: Наука, 1974. 727 с.
- Кичиков 1997 – *Кичиков А.И.* Героический эпос «Джангар»: Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Восточная литература, 1997. 319 с.
- Козин 1940 – *Козин С.А.* Джангариада: Героическая поэма калмыков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 249 с.
- Кудияров 1988 – *Кудияров А.В.* Поэтико-воззренческие аспекты историзма эпоса монголоязычных народов // Фольклор: Проблемы историзма / отв. ред. В.М. Гацак. М.: Наука, 1988. С. 127–170.

- Неклюдов 1984 – Неклюдов С.Ю. Героический эпос монгольских народов (устные и литературные традиции). М.: Наука, 1984. 310 с.
- Неклюдов 2019 – Неклюдов С.Ю. Фольклорный ландшафт Монголии: Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.
- Новиков 2000 – Новиков Ю.А. Сказитель и былинная традиция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 376 с.
- Путилов 1999 – Путилов Б.Н. Эскурсы в теорию и историю славянского эпоса. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 288 с.
- Путилов 2003 – Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура; In memoriam. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 464 с. (Ethnographica Petropolitana)
- Poppe 1962 – Poppe N. Zur Hyperbel in der epischen Dichtung der Mongolen // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1962. Bd. 112. S. 106–158.

References

- Bergman, V. (2004), “Chanting”, in Tserenov, V.Z., comp., “*Dzhangar*”. *Materialy i issledovaniya* [“Dzhangar”. Materials and research], Nauka, Moscow, Russia, pp. 8–12.
- Kichikov, A.Sh. (1997), *Geroicheskii epos «Dzhangar»: Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie pamyatnika* [The heroic epic “Dzhangar”. Comparative typological study of the monument], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Kozin, S.A. (1940), *Dzhangariada: Geroicheskaya poema kalmykov* [Jangariad. Heroic poem of the Kalmyks], Izdatel'stvo AN SSSR, Moscow, Leningrad, USSR.
- Kudiyarov, A.V. (1988), “Poetic and ideological aspects of the historicism of the epic of the Mongol-speaking peoples”, in Gatsak, V.M., ed., *Fol'klor. Problemy istorizma* [Folklore. Problems of historicism], Nauka, Moscow, USSR, pp. 127–170.
- Neklyudov, S.Yu. (1984), *Geroicheskii epos mongol'skikh narodov (ustnye i literaturnye traditsii)* [Heroic epic of the Mongolian peoples (oral and literary traditions)], Nauka, Moscow, USSR.
- Neklyudov, S.Yu. (2019), *Fol'klorniye landshaft Mongolii. Epos knizhnyi i ustnyi* [Folklore landscape of Mongolia. Book and oral epic], Indrik, Moscow, Russia.
- Novikov, Yu.A. (2000), *Skazitel' i bylinnaya traditsiya* [Storyteller and epic tradition], Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg, Russia.
- Poppe, N. (1962), “Zur Hyperbel in der epischen Dichtung der Mongolen”, *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, vol. 112, SS. 106–158.

- Putilov, B.N. (1999), *Ekskursy v teoriyu i istoriyu slavyanskogo eposa* [Excursions into the theory and history of the Slavic epic], Peterburgskoe vostokovedenie, Saint Petersburg, Russia.
- Putilov, B.N. (2003), *Fol'klor i narodnaya kul'tura; In memoriam* [Folklore and folk culture; In memoriam], Peterburgskoe vostokovedenie, Saint Petersburg, Russia.
- Zhirmunskii, V.M. (1974), *Tyurkskii geroicheskiy epos. Izbrannye trudy* [Turkic heroic epic. Selected works], Nauka, Leningrad, USSR.

Информация об авторе

Цаган Б. Селеева, кандидат филологических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82; tsagana007@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3285-3038

Information about the author

Tsagan B. Seleva, Cand. of Sci. (Philology), Presidential Academy, Moscow, Russia; 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; tsagana007@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3285-3038